

Наталья Костенко*доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины***Natalia Kostenko***Doctor of Sociology, Full Professor, Head of Division of Sociology of Culture and Mass Communications of the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine*

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Ю.Г.Сороки «Социальное восприятие Другого в поликультурном социуме», представленную на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.01 – теория и история социологии

Интересные работы по проблемам культуры становятся фирменным знаком факультета социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Докторский проект Юлии Георгиевны Сороки только укрепляет это впечатление. В пользу того, что этот проект целиком и полностью вписывается в повестку дня социологии, свидетельствуют простые и общепонятные констатации. Восприятие современного человека чрезмерно загромождено беспорядочными информационными вливаниями и ускорением событий, его, т.е. нас, со всех сторон окружают всевозможные другие и, чтобы жить сообща, требуется особое искусство, овладение которым никогда не было безупречным. Дает о себе знать и разрастающаяся червоточина, впускающая alter ego в сугубо личное пространство вплоть до полной его оккупации: «я – это кто-то другой», – звучала строчка Артюра Рембо, совпавшая с интеллектуальными ритмами начала прошлого века и превратившаяся сегодня в расхожий тезис обыденных он-лайн идентификаций. Причем все эти явления и обстоятельства наблюдаемы как в пределах частного дома, так и в планетарном масштабе. Словом, речь о том, что именуется «поликультурными обществами», вызывающими к рефлексии, пониманию и выработке стратегий совместного проживания, что особенно важно в периоды ожиданий радикальной модернизации общественной жизни и несовершенства государственных культурных программ. Украина пребывает в состоянии пережива-

ния этих новых реалий и ощущений, вовлекаясь в глобальные тренды и не утрачивая локальной специфики. Статус-кво дает нам весомый повод прояснить, каковы же эти переживания и реакции, потому как одно из предназначений гуманитарного знания – способность совпадать с тем, что «современно» и своевременно. Юлия Сорока умело и профессионально воспользовалась этим шансом, представив нам взвешенные и продуманные размышления на этот счет. Два очевидных и ярких эффекта производит, пожалуй, эта работа. Во-первых, она отсылает к проблематизациям культурной теории в социологическом дискурсе, что фокусируется текущей социальной мыслью и остро дебатирована в гуманитарных кругах. Во-вторых, требует отклика на свое концептуальное предложение относительно восприятия людьми социальной жизни, запрограммированного социумом и культурно отформатированного, на основании чего и конструируются разные, несовпадающие версии реальности, которые индивиды, группы и сообщества принимают за данность и соответственно тому действуют.

Путей к совпадению с тем, что «современно» и своевременно, немало, они варьируются от признания незыблемости классики, которая узаконила наши собственные представления о научном кредо, до предвосхищений некоего «нового старта», отпускающего в прошлое историю поступательной смены парадигм, ныне приостановленную. До избавления от «александрийского» (то есть ориентированного

на постоянную ревизию) стиля мышления, о чем сейчас говорят, и культивации иных концептуальных подходов, резонирующих на наличие в поле гуманитарной науки запутанного накопления соперничающих или пересекающихся воззрений. Весьма непросто совладать с этим концептуальным роением и безошибочно определять его источники и мобильные устремления. Здесь важно выбрать устойчивый ориентир. Что, собственно, и делает автор, возводя внушительный крепостной вал из прочных материалов социологической традиции, обоснования Питиримом Сорокиным социальной онтологии и предпочтений социокультурного подхода в исследовании общего мира людей, используя бонусы интерпретативной науки, восстановленных связей с опытом антропологии, семиотики, других наук культурологического ряда, психологии и ее синтетических вариаций. В то же время, автор, несомненно, восприимчив к насущным интенциям обозревать разнообразные социальные и культурные множества, столь характерные для образов современных социумов, и конструировать с этой целью подходящие интеллектуальные инструменты – генерализованные концепты, позволяющие пересекать границы парадигмальных и дисциплинарных кордонов, сканируя и объясняя феномены и системы большей степени сложности, чем это предписано моно-концепциями. К таким концептам можно отнести, например, «социальный и культурный капитал», отрефлексированные конструкты «власти», «смыслов», «картины мира» и прочие. Эти концепты предполагают высокую долю «нематериальных», метафизических активов в воспроизводстве и изменении социальных порядков, нередуцируемых к ценностям, идеологиям, мифам или стереотипам, и способны служить основанием соответствующих месту и времени социокультурных сегментаций. К ним, вероятно, относится и «социальное восприятие», чем под силу охватить как крупные контексты, обширные пространства истории, социальных структур, культурной поступи, так и их детальные импликации, соединяя наследуемую тропность прошлого, актуальное действие и фантазмы грядущего. Т.е. концепт в состоянии претендовать на транспарадигмальность, способен выстраивать собственную перспективу во взглядах на общество и людей с их множественными культурами, разверстывая логику презентации от осмысления концептуальных генерализаций до эмпирических очевидностей. И диссертантка это нам де-

монстрирует (Розділі 1. «Соціальне сприйняття як соціокультурний феномен»).

Основная методологическая задача, возникающая перед автором, замыслившим такое интеллектуальное предприятие, – это удержаться на гребне социальных и культурных экспликаций, не отдавая привилегий ни тем, ни другим, сохранять эквилибриум социокультурного императива. Собственно, со времен неокантианства этот императив неизменно вдохновлял социологию, однако всякий раз спор шел о мере культурной автономии, которая считалась произвольной величиной (большей или меньшей), и к настоящему времени, не в последнюю очередь благодаря энтузиазму Дж. Александера, достигла почти что максимума. Разумеется, автору хорошо известна вся эта история теоретических движений за признание немаловажности культурных факторов в воспроизводстве социального, и она придерживается идеи «беспшовного соединения культуры и общества» (с.100) как плодотворной для ориентации в тех национальных и транснациональных пространствах, где свершаются индивидуальные и коллективные действия. Для социолога это нелегко достижимая позиция в силу известной дисциплинарной акцентуированности. Поддержка исходит от Вебера и Манхейма, Гирца и Бурдье, каждый из которых неординарным образом рассматривал вопрос о занесении культурного в социальную и физическую среду и *vice versa*. Будь то представления о множественных стилях мышления, габитусах, социальных конвенциях восприятия, но также и представления о «репрезентативной культуре» Тенбрука, зиммелевской культурной форме и другие, запечатленные в хороших научных текстах, из которых автор аккуратно извлекает инсайты касательно восприятия и филигранно собирает их воедино в своих целях. Несомненно, следует отдать должное той тщательности, с которой реконструируется в работе сложная семантическая сеть значений, релевантных социальному восприятию (оно все же остается «социальным», но это, скорее, спор о словах). Словарь включает целый перечень терминов и метафор, спроецированных в индивидуальных и коллективных координатах, начиная с перцепции и видения, мышления и понимания, представления и распознавания, отношения и оценки и заканчивая культурным бессознательным и мировоззрением. Т.е. из поля зрения не выпускаются какие бы то ни было возможности телесной и ментальной человеческой

включенности в мир. Анализируются механизмы восприятия (типизации, фильтрации, схемы интерпретации), его опытная основа, контекстуальность, ситуационная обусловленность, материальная воплощенность в культурных продуктах. Пожалуй, впервые в отечественной литературе этот предмет представлен столь обстоятельно, что, бесспорно, следует расценивать как весомое достижение Ю.Г. Сороки.

Но, конечно же, повествование входит поистине в проблемное русло с установкой фокуса восприятия на Другом, когда дань функциональным описаниям с успехом отдана, и важность современного запроса к социологии становится явной, как и прицельная точность авторского на него отклика (Розділ 2. «Інший у соціокультурній перспективі соціального сприйняття»). Конечно же, Другой и знаки его присутствия, включая ключевой среди них – Смерть, конституируют наше представление о мире и своем собственном в нем месте, в чем автор, несомненно, права. Тема Другого всегда была весьма рафинированной, увлекая гуманитариев в трансцендентальные области, в тонкости людских взаимодействий, в экзотические края, в самодостаточность языка. Можно сказать, что к концу прошлого века постструктурализм довел эту тему до крайней нервозности, постулируя исчезновение всех главных героев, однако оставив, вероятно, нам самое ценное – сомнение в казалась бы достоверной связи слов и вещей, в бытующей интуиции «полной слышимости чужой речи» (Деррида). Сегодня без этого сомнения не обойтись даже в ежедневной практической жизни, что создает всевозможные житейские и глобальные напряженности, поскольку понимать, стремиться к прозрачности даже в мелочах как будто вменяется нам в обязанность, и вроде бы пределы нашего понимания напрямую определяют пределы нашей терпимости к другим и к восприятию различий. «Саме увага до когнітивної перспективи, – констатує автор, касаючись сучасної ситуації, – дозволяє нам визначити Іншого конституційною інстанцією соціального сприйняття» (с.142). Во всяком случае, нас в этом постоянно убеждают различные посредники: включив телевизор, мы видим, что мир уже понят и растолкован, и зритель всегда наготове принять простодушные оценки добра и зла сообразно идеологии текущего момента, как показывает нам диссертантка на выразительных примерах. Способствует ли это оттачиванию того самого искусства жить вместе в общем мире,

остається открытым вопросом. Потому-то артикулированный исследовательский интерес, который Ю.Г. Сорока последовательно и уверенно раскрывает нам в своем тексте, значим и перспективен.

Несмотря на то, что в условиях нынешнего состояния нашей науки мы почти что обречены на теоретические ремейки, воспроизводя ad hoc едва ли не всю родословную тематических поисков, в концептуализации восприятия Другого много находок. Переводя восприятие в термины социального действия, что само по себе является эвристически плодотворным усилием, автор разрабатывает каталог образов, статусов Другого, в разной степени энергетически заряженных, продуцирующих готовность действовать определенным образом и в определенных режимах (Підрозділ 2.3 «Інший як об'єкт соціального сприйняття»). «Соціокультурна номенклатура Другого», как именует ее автор, – гибкая, неиерархическая конструкция, неупорядоченная классификация, открытая для пополнения и операционализаций (с.205). Вполне понятно, что первоначально в нее включаются те статусы, которые безоговорочно дискриминируют восприятие, оценку ситуации, формы активности, т.е. недвусмысленно размечают пространство, а также наиболее применимы к нашим, локальным контекстам: «свой», «чужой», «враг». Достаточно упомянуть языковой закон, принятый прошлым украинским парламентом, или «закон Димы Яковлева» – российским. За лояльными коннотациями Другого (предположим, партнер, союзник, кумир и пр.), которые можно расценивать социокультурным полигоном для тренинга толерантности, как я понимаю, все же остается шанс попасть в этот каталог. К ним же следует отнести и разнообразных non-humans, природных и технологических, как в статусе людских привязанностей, так и вполне самостоятельно, что, в общем-то, открывает иную, необходимую сегодня перспективу в принятии других. Конечно же, современные механизмы инклюзии-эксклюзии производят смешанные, неоднозначно истолковываемые образцы, гибриды, которые источают легкость имиджей, и их не так-то легко подвести под обобщающие абстракции, подобные авторским. Но то, что уже сейчас определенно вписывается в такой номенклатурный ряд, не нарушая его логики, так это категория «незначимый другой», другой как Ничто, как общее место, что хорошо представляет Мишель де Серто на примере соотнесенности литера-

туры с обыденным языком и что определенно структурирует восприятие наших современников. Да и наших соотечественников, если сузить горизонты обзора. То есть, идея, предложенная Ю.Сорокой, весьма привлекательна как в концептуальном, так и в инструментальном плане. Ее не только стоит принять к сведению, но и хочется работать с ней дальше.

Третий раздел диссертации посвящен анализу поликультурной среды, манифестируемо и латентно насыщенной репрезентациями тождеств и различий (Розділ 3 «Полікультурне суспільство як простір соціального сприйняття Іншого»). Совершенно оправданно акценты переносятся на наше общество, которое, учитывая одновременную работу универсальных и либерализирующих, высвобождающих различия культурных механизмов, глобальных веяний и местных обстоятельств, несомненно, центрируется двойственным присутствием украинской и русской культур, их символическими сражениями за региональные территории, реже – братаниями в легитимирующих актах. «Инакше кажучи, – очень точно диагностирует ситуацию автор, – центральним протиріччям, що визначає процес змін українського суспільства в досліджуваній перспективі, є протиріччя легітимації української культури та визнання полікультурного (соціокультурно неоднорідного, множинного) характеру українського суспільства. Найнапруженішими пунктами цього протиріччя зараз, на наш погляд, є такі: на рівні структурних елементів культури – культурні символи, на рівні конкуренції культурних форм (зразків) – регіональні ідентичності та українська й російська культури» (с. 334). Одно из заметных и важных авторских наблюдений, получающих социологическую аргументацию, – это повышение градиента уверенности украинской идентичности, ее гражданских смыслов, что, при всей противоречивости этого процесса, может расцениваться как залог будущей национальной консолидации.

И, разумеется, не обойти вниманием изюминку этой работы. Речь идет о многочисленных эмпирических фрагментах, тематических эссе, содержательно и текстуально сопровождающих представление концепции, case studies особенностей социального восприятия, организующего частную жизнь, транслирующего культурные порядки реальным и воображаемым сообществам, небезразлично участвуя тем самым в культурной репродукции и культурной

мобильности. Это экзистенциалы детства и смерти, гендерные мотивы, профессиональные установки на поиск девиаций, метаморфозы телегероев, значимые общественно-политические схемы восприятия богатства, государственной и городской символики, этно-национальных идентификаций и др. Словом, обширный и разнообразный круг эмпирических импликаций той самой неустанной «работы культуры», чем автор определяет «социальное восприятие» (с. 125). Это очень хороший прием, и, я думаю, нет особой нужды обосновывать его уместность, тем более, что как результат в наше распоряжение предоставлен интересный, оригинальный, познавательный материал, порою с очень тонкими замечаниями, как, например, о медийной легитимации Зла или двусмысленном детском статусе. Пожалуй, что и тут впервые мы сталкиваемся с такой вариативностью примеров и смелостью их представления, поскольку автор заведомо шла на риск, определенным образом корректируя принятый культурный порядок нашего собственного сообщества, и, соответственно, вызывая повышенную требовательность к себе самой, в том числе эстетического и пр. свойства, коль скоро речь идет большей частью о культурных продуктах. Сразу скажем: этот риск оправдан, что можно только всячески приветствовать. Однако критических замечаний также не избежать. Остановлюсь на тех, которые имеет смысл высказать публично и которые, я надеюсь, могут оказаться небесполезными в дальнейшем.

Нет слов, Юлия Сорока зарекомендовала себя как опытный галерист, но создается впечатление, будто одна из ее задач – развернуть в работе полную экспозицию собранных сокровищ. С неизбежностью это производит эффект и некой «музейной метафизики», где полотно можно менять местами в поисках удачного освещения, где время течет неспешно, а экспрессия и динамизм – не лучшие спутники прогулок по этому пространству. Автор, кажется, вовлекает нас в особую темпоральную игру, чередуя даты представленных «объективаций социального восприятия» от антропологических зарисовок 50-х годов до детектива, сошедшего со страниц Эдгара По, от лирики шестидесятников и сериалов 80-х до региональной прессы эпохи перестройки и вкраплений результатов социологических исследований 2000-х по всему тексту. Не все из них опознаваемы как «современные», хотя втянуты в единую длительность, которая теряет временную достоверность под

натиском излишне плотного описания в сюжетах, растягивающих настоящее. Пространство сообщает времени без-различие. И «установка рефлексивности», к которой апеллирует автор (с. 132-133) (здесь от читателя ожидается, по меньшей мере, многослойная рефлексивность: рефлексия относительно рефлексии о рефлексии и т.д.), не элиминирует это впечатление.

К «количественным» фрагментам имеют и более существенные претензии. Автор, несомненно, права насчет встроенности социологического инструментария в социокультурные матрицы, регулирующие восприятие. Несомненно, права она и в том, что поликультурное общество с множественными стилями, режимами, ментальностями требует и особых способов анализа, чему посвящен специальный раздел (1.4 «Підходи до емпіричного дослідження соціального сприйняття як соціокультурного феномену») и неоднократные констатации в 3-ей главе. Тем более досадно, что во всех презентациях социологических опросов в работе производится довольно затяжное линейно-последовательное описание зависимых переменных, сравнение долей (%) ответивших на ту или иную альтернативу вопроса в группах. Т.е. по сути, выстраиваются те же иерархии и бинарные оппозиции, которые рассматриваются автором как онтологически и гносеологически нерелевантные применительно к поликультурным средам. В то же время методы многомерной статистики, фиксирующие нелинейные связи и сопряженности (регрессионный анализ, методы эмпирической типологизации, распознавания образов и пр.), как нельзя более подходящие для данного случая, по неизвестной причине не используются вовсе. В целом, я хочу сказать, что сегодня мы стоим перед общей проблемой методологического и методического характера, связанной с выработкой способов оперативной обработки множеств без ощутимого разрушения смысловых структур. Причем, это касается как количественных, так и качественных исследований. В последнем случае дело осложняется наворачивающимися междисциплинарными влечениями и обменом инструментами, что нуждается в серьезном обдумывании, отменной интуиции и деликатном применении.

Нельзя не указать и на ограничения в исследовании социального восприятия, которые создаются издержками конструктивизма, обязующего видеть мир удобным и понятным в сообществе конструктом, который необязательно соответствует внеш-

ней реальности и непрямо зависим от ее материального обаяния и неприглядности. Это убеждение, как известно, основано на признании общих когнитивных структур и когнитивных инструментов («трансцендентального субъекта»), которыми, как подразумевается, пользуются все люди, организуя таким образом свой жизненный мир и воспроизводя свойственные ему тождества и различия. Универсальные механизмы восприятия получают здесь весомые привилегии, создавая проблематичность действия механизмам изменения. И опять, эта общая наша задача – изыскивать методологические и концептуальные возможности «ранней диагностики» изменений – ожидаемых, неожиданных, неосуществленных. Чтобы быть чувствительными к ним и к продуцируемым ими различиям, стоило бы, вероятно, учитывать тот возрастающий онтологический интерес гуманитариев к социо-, био-, технобытийности современного мира в духе нонгерменевтики, к тем самоценным человеческим состояниям во взаимодействии с ним, которые часто выпадают из поля зрения социологии, но производят значимые эффекты упорядочивания совместной жизни людей, равно как и их инаковости. Как, скажем, «*stimmung*» у Гумбрехта, возникающий до всякой или сверх всякой сигнификационной работы. Или, например, переводчики с арабского авторитетно нам растолкуют, что сила воздействия Корана лежит не в писании, но в его фонетической структуре, постигаемой в устной речи, в то время как иудейская библейская экзегетика придает первостепенное значение материальной форме буквы, письменной речи. Не говоря уже о том, как разрастание информационно-технологической среды корректирует наше восприятие вопреки убеждению, что она у нас под контролем.

Дискуссионные моменты отнюдь не умаляют достоинства диссертации Ю. Г. Сороки, и за автором теперь остается право объяснить их особенностями социального восприятия читателей и оппонентов. Недосказанность и незавершенность интерпретаций, свойственные работе, – вполне продуктивное состояние, указывающее на перспективу и возбуждающее дополнительный интерес, потому как нам представлен серьезный и большой труд, посвященный неординарной тематике. Две существенных характеристики обеспечивают здесь должный для докторской работы профессионализм. Во-первых, широкий научный кругозор, основательное знание социологической и гуманитарной традиции, опыта антропологии и психологии, современных исследо-

ваний в области культуры, истории, социума; во-вторых, разработка интеллектуального инструмента для изучения общества с точки зрения социокультурной перспективы, правил, режимов и форматов социального восприятия различий в поликультурном социуме, а также верификация этого инструмента на обширном культурном материале. Работу Ю.Г. Сороки правомерно расценивать научным вкладом автора в разработку современной культурной теории, концепции социального восприятия, в познание культурных процессов, затрагивающих сферу институциональной культуры, повседневных культурных установок и практик, коммуникации, гендера, межэтнического взаимодействия. Практическое значение данного труда достаточно очевид-

но в плане гуманитарного и социологического образования, формирования культурных программ различными социальными и политическими инстанциями.

Основные положения диссертации достаточно полно отражены в автореферате и публикациях автора.

Основываясь на анализе предъявленной работы, можно утверждать, что диссертационное исследование «Социальное восприятие Другого в поликультурном социуме» соответствует всем необходимым требованиям Высшей Аттестационной Комиссии Украины, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор Юлия Георгиевна Сорока достойна присуждения ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.01 – «теория и история социологии».

8 января 2013 г.